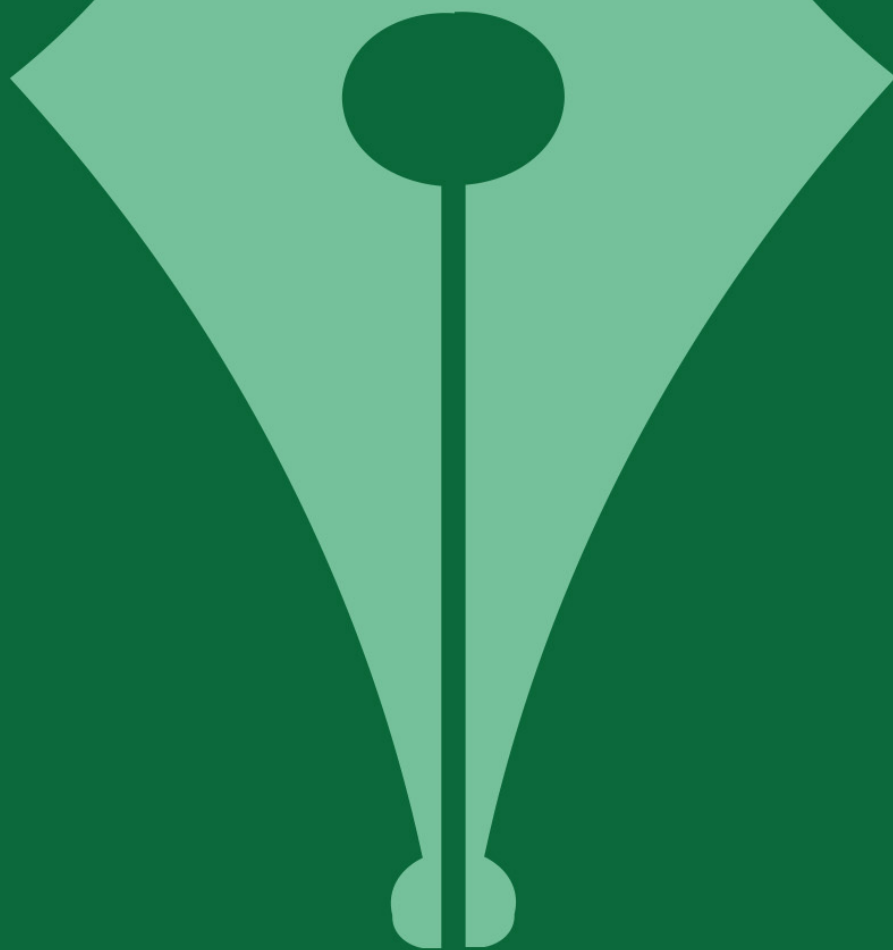

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Мифы Ктулху

Говард Лавкрафт
Хребты безумия

«ЭКСМО»

1936

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Хребты безумия / Г. Ф. Лавкрафт — «Эксмо», 1936 — (Мифы Ктулху)

Говард Филлипс Лавкрафт совершил революцию в литературе ужаса, сместив центр ее внимания с обычного земного мира на огромную, неизвестную, безразличную вселенную, существующую за пределами человеческого понимания. Писатель взял обычный мир и привнес в него нечто темное и потустороннее. Лавкрафт смешал обыденную действительность и вселенский кошмар, показал столкновение простого человека с непостижимыми, а порой и смертельно опасными созданиями.

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Лавкрафт Г. Ф., 1936

© Эксмо, 1936

Содержание

I	6
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Говард Филлипс Лавкрафт

Хребты безумия

Серия «Pocket book»

Серия «100 главных книг»

В оформлении обложки использована иллюстрация: Grandfailure / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

© Биндеман Л., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

I

Нижеследующий рассказ я публикую вынужденно, поскольку представители науки отвергли мой совет, сочтя его бездоказательным. Я решительно предпочел бы умолчать о причинах, заставляющих меня противиться грядущему вторжению в Антарктику с его последствиями: безудержной охотой за окаменелостями, бурением множества скважин, растапливанием полярных льдов, – тем более что к моим словам, возможно, никто не прислушается. Факты, о которых я должен поведать, неизбежно будут встречены с недоверием, но, если выпустить из рассказа все необычное и невероятное, останется одно пустое место. Подкреплением им послужат прежде не публиковавшиеся фотографии, сделанные как на земле, так и с воздуха, – на редкость четкие и наглядные. Критики, однако, усомнятся и здесь, объявив снимки искусным фотомонтажом. Чернильные зарисовки уж точно никого не убедят, а вызовут лишь ухмылки, притом что над их необычным характером стоило бы задуматься искусствоведам.

В итоге мне остается положиться на проницательность и авторитет тех немногих выдающихся ученых, кто, с одной стороны, мыслит достаточно независимо, чтобы оценить, сколь несокрушимо убедительны сами по себе представленные мною данные, или же сопоставить их с некоторыми древнейшими и весьма загадочными мифологическими циклами; с другой же стороны, эти ученые должны быть достаточно влиятельны, дабы удержать исследователей от чересчур поспешных и опрометчивых предприятий в регионе Хребтов безумия. К несчастью, когда речь идет о предметах столь противоречивых и далеко выходящих за рамки обыденного, неизвестным сотрудникам заштатного университета, каковыми являемся мы с коллегами, едва ли можно надеяться на внимание научных кругов.

И дополнительный фактор, нам не благоприятствующий: мы не являемся в строгом смысле специалистами непосредственно в тех научных областях, которые в данном случае более всего затронуты. Передо мной, как геологом и руководителем экспедиции Мискатоникского университета, была поставлена задача добыть в разных точках Антарктического континента образцы пород глубокого залегания, для чего предполагалось воспользоваться замечательным буром, который был сконструирован профессором Фрэнком Пейбоди, сотрудником нашего технического факультета. На роль первопроходца в каких-либо иных областях я не претендовал; надежды мои ограничивались тем, чтобы, не удаляясь от ранее исследованных путей, при помощи упомянутого механического устройства отобрать в ряде пунктов образцы, прежде, до изобретения нового метода, недоступные. Буровая установка Пейбоди, как уже знает публика из наших сообщений, превосходит все аналоги по таким качествам, как легкость и компактность, а эффективное сочетание принципов вращательного и ударного бурения позволяет ей легко справляться с породами различной твердости. Стальная насадка, буровые штанги, бензиновый двигатель, разборная деревянная вышка, принадлежности для взрывных работ, такелаж, шнек, составная бурильная колонна диаметром пять дюймов и общей глубиной до 1000 футов – все это, с дополнительными принадлежностями, помещалось на трех санях, по семь собак в упряжке, благо большая часть металлических конструкций была изготовлена из легких алюминиевых сплавов. Имелись четыре больших самолета Дорнье, специально спроектированных для полетов на огромной высоте (поскольку летать предстояло над антарктическими плоскогорьями) и дополненных устройствами для подогрева горючего и ускоренного запуска двигателя (разработки того же Пейбоди). Эти машины предназначались для доставки участников экспедиции из базы на краю Большого ледяного барьера к различным точкам в глубине материка, а дальше можно было перемещаться на собаках, которые имелись в достаточном количестве.

Мы рассчитывали проработать один антарктический сезон (при крайней необходимости и дольше) и исследовать за это время как можно большую область преимущественно в горах

и на плоскогорье к югу от моря Росса, то есть в регионах, в той или иной степени изученных Шеклтоном, Амундсеном, Скоттом и Бэрдом. Часто меняя лагерь, достигая с помощью самолетов отдаленных друг от друга и различных по геологии областей, мы рассчитывали собрать беспрецедентно обширный научный материал – особенно в докембрийских слоях, антарктические образцы которых в распоряжении ученых были наперечет. Предполагалось также собрать коллекцию самых разнообразных поверхностных пород с окаменелостями: знание древней истории этих безжизненных льдистых пределов послужило бы солидным подспорьем при изучении прошлого всей нашей планеты. Уже ни для кого не секрет, что в незапамятные времена на Антарктическом континенте царил умеренный и даже жаркий климат, процветала разнообразная флора и фауна, от которой в наши дни уцелели только лишайники, морские животные, паукообразные и пингвины, да и те лишь на северной кромке материка; мы же надеялись существенно пополнить и уточнить эти сведения. Если обнаружатся признаки окаменелостей, мы планировали перейти к буровзрывным работам, чтобы добыть образцы нужного размера и качества.

Поскольку в низинах толщина ледяного панциря составляла от мили до двух, мы решили ограничиться голыми – или почти голыми – склонами и вершинами гор, выявлять многообещающие участки и там бурить на разную глубину. Мы не могли себе позволить проходку большой ледовой толщи, хотя Пейбоди придумал просверливать частые отверстия, опускать туда медные электроды и, запитывая их от работающей на бензине динамо-машины, растапливать таким образом участок льда. Именно этот метод (проверить его можно было только в ходе такой экспедиции, как наша) намереваются применить участники будущей экспедиции Старкуэзера – Мура; ко мне они не прислушиваются, хотя я после возвращения из Антарктики неоднократно уже выступал в печати с предостережениями.

О Мискатоникской экспедиции публика осведомлена благодаря нашим частым радиogramмам в газету «Аркхем эдвертайзер» и агентство Ассошиэйтед пресс, а также позднейшим заметкам, которые публиковали мы с Пейбоди. В составе ее были четверо сотрудников университета: Пейбоди, Лейк с биологического факультета, Этвуд с физического (он же был нашим метеорологом) и я – представитель геологической науки и номинальный глава экспедиции, – а также шестнадцать ассистентов: семеро аспирантов и девять мастеров-механиков. Двенадцать человек из названных шестнадцати были квалифицированными пилотами, и все, за исключением двоих, умели обращаться с радиопередатчиком. Восемь ассистентов, а также мы с Пейбоди и Этвудом, разбирались в навигации и умели обращаться с компасом и секстантом. Добавьте сюда два бывших китобойных судна (с усиленным, для плаванья среди льдов, деревянным корпусом и вспомогательным паровым двигателем) и их полностью укомплектованные экипажи. Экспедицию финансировал Фонд Натаниэля Дерби Пикмана, было сделано и несколько дополнительных пожертвований, поэтому даже в отсутствие особой огласки подготовка была проведена самая основательная. В Бостон для погрузки на суда были доставлены собаки, сани, механизмы, лагерное оборудование и припасы, а также, в разобранном виде, наши пять самолетов. Мы обеспечили себя всем необходимым для достижения своих целей, и во всем, что касается припасов и экипировки, организационных вопросов, перевозки, оборудования лагеря, был использован ценнейший опыт наших недавних – и блестящих – предшественников. Именно потому, что их было много и их достижения широко обсуждались, наша экспедиция, при всех ее масштабах и значимости, прошла относительно незамеченной.

Как сообщалось в газетах, мы отплыли из Бостонской бухты 2 сентября 1930 года, взяли курс вдоль берега на юг, прошли Панамский канал, сделали остановку на островах Самоа и далее в Хобарте, на острове Тасмания, где взяли на борт последнюю партию припасов. Никто из тех, кто готовился заниматься научными исследованиями, не бывал прежде в полярных широтах, поэтому нам оставалось только положиться на опыт капитана брига «Аркхем» Дж. Б. Дагласа (он командовал морским этапом экспедиции), а также капитана барка «Миска-

тоник» Георга Торфиннссена; оба они долгое время промышляли в Антарктике китов. Обитаемые земли остались позади, солнце с каждым днем все ниже и все дольше висело над северным горизонтом. Приблизительно на 62° южной широты мы впервые видели айсберги, плоские, как стол, с отвесными стенками, а незадолго до 20 октября, когда с надлежащими, весьма причудливыми церемониями состоялось пересечение полярного круга, впервые натолкнулись на труднопроходимые ледовые поля. После долгого плавания в тропиках я никак не мог приспособиться к низким температурам, однако приходилось держаться, поскольку главные испытания были еще впереди. Частенько я, восхищенный и зачарованный, наблюдал необычные атмосферные явления; однажды это был поразительно правдоподобный мираж (первый в моей жизни): отдаленные айсберги вдруг обратились укреплениями грандиозных, немыслимых замков.

Пробившись через льды (к счастью, не очень протяженные и плотные), мы на 67° южной широты и 175° восточной долготы достигли открытого водного участка. Утром 26 октября на южном горизонте показался желтоватый отблеск – знак, что близок снежный берег, и еще до полудня мы с трепетом завидели впереди могучую, одетую снегом горную цепь, заступавшую весь горизонт. Это был долгожданный аванпост обширного неисследованного континента, загадочного мертвого царства мороза. Перед нами, очевидно, простиралась Адмиралтейская гряда, открытая Россом, и теперь нам нужно было обогнуть мыс Адэр и вдоль восточного побережья Земли Виктории следовать до места, где мы планировали устроить базу: на берегу пролива Мак-Мердо, у подножия вулкана Эребус, 77°9' южной широты.

Заключительный отрезок пути поражал воображение: на западе теснились таинственные нагие пики, солнце (полуденное – низко над северным горизонтом, полуночное – и того ниже над южным) бросало бледно-розовые лучи на белый снег, голубоватый лед, разводья, черный гранит крутых склонов. На пустынные вершины порывами налетал жуткий антарктический ветер, в его завываниях чудились иной раз живые ноты отчаяния; затрагивая какие-то подсознательные воспоминания, этот разноголосый плач будил во мне смутные страхи. Чем-то этот пейзаж напоминал странные, тревожные азиатские полотна Николая Рериха и даже еще более странное и тревожное описание зловещего плоскогорья Ленг из «Некрономикона», написанного безумным арабом Абдулом Альхазредом. Позднее мне пришлось пожалеть о том, что я вообще ознакомился в библиотеке колледжа с этой чудовищной книгой.

Седьмого ноября мы, временно потеряв из виду горную гряду на западе, миновали остров Франклина, а на следующий день перед нами показались, на фоне длинной цепи гор Парри, конические вершины вулканов Эребус и Террор на острове Росса. К востоку простирался белой линией большой ледовый барьер; он вставал из воды перпендикулярно, похожий на скалистые утесы Квебека: водный путь к югу здесь кончался. После полудня мы вошли в пролив Мак-Мердо и пристали к берегу с подветренной стороны от курящегося Эребуса. Вулканический пик, высотой 12 700 футов, громоздился к востоку, похожий на японскую гравюру со священной горой Фудзияма; на заднем плане виднелся Террор – потухший вулкан высотой 10 900 футов. Время от времени Эребус выпускал клубы дыма; один из аспирантов, очень способный молодой человек по фамилии Данфорт, указал нам на потеки лавы на снежном склоне и заметил, что эта гора, открытая в 1840 году, несомненно, рисовалась воображению Эдгара По, написавшего семью годами позже:

Словно лава катилась огнем,
Словно серные реки, что Яник
Льет у полюса в сне ледяном,
Что на северном полюсе Яник

Со стоном льет подо льдом¹.

Данфорт увлекался фантастической литературой, и По не сходил у него с языка. Я и сам им интересовался – из-за его единственного романа: пугающего, загадочного «Артура Гордона Пима», где действие происходит в Антарктике. И на пустынном берегу, и на мощном ледяном барьере поодаль забавно кричали и хлопали ластами бесчисленные пингвины, в воде и на медленно несомых течением льдинах виднелось множество упитанных тюленей.

9-го числа, вскоре после полуночи, мы на шлюпках не без труда высадились на остров Росса; с собой мы везли канаты: по ним, в люльках, мы предполагали доставить с кораблей груз. Впервые ступая на землю Антарктиды, пусть даже вслед за Скоттом и Шеклтоном, мы немало волновались. Лагерь на мерзлом берегу у склона вулкана предназначался исключительно для хранения запасов – штаб-квартира оставалась на «Археме». Мы сгрузили на сушу буровую установку, собак, сани, палатки, провизию, цистерны с бензином, экспериментальное оборудование для растапливания льда, фотоаппараты и аэрофотокамеры, детали разобранных самолетов и другие принадлежности, в том числе три переносные радиостанции (помимо тех, что имелись на самолетах), чтобы, в какую бы точку Антарктического континента мы ни забрались, с их помощью держать связь с большим приемопередатчиком на «Археме». Последний, в свою очередь, обеспечивал сообщение с внешним миром и должен был передавать наши репортажи на мощную радиостанцию в Кингспорт-Хеде, штат Массачусетс, принадлежащую газете «Архем эдвертайзер». Мы надеялись уложиться с нашими планами в одно антарктическое лето, но, если не справимся, не исключали и зимовку на «Археме»; «Мискатоник» в таком случае, прежде чем установится лед, привез бы запасы для нового сезона.

Сообщения о начальных этапах нашей работы уже появлялись в газетах, поэтому нет нужды вновь рассказывать о нашем восхождении на гору Эребус, об успешном поиске минералогических образцов в различных пунктах острова Росса, о необычно скоростной работе установки Пейбоди, с легкостью одолевавшей самые твердые породы, об испытании оборудования для точечного растапливания льда, об опасном подъеме с санями и припасами на ледяной барьер и, наконец, о сборке в лагере пяти громадных самолетов. Никто из высадившихся на землю (а это были двадцать человек и пятьдесят пять аляскинских ездовых собак) не заболел – впрочем, мы не сталкивались до сих пор ни с сильными морозами, ни с бурями. Температура не опускалась ниже 20–25°, а для жителей Новой Англии это не особенно суровая погода. Лагерь на барьере был предназначен для складирования горючего, провизии, динамита и других запасов. Для переброски исследовательского оборудования мы собирались задействовать четыре самолета, тогда как пятый, с пилотом и двумя моряками, оставался в резерве, чтобы эвакуировать нас, если весь прочий воздушный транспорт выйдет из строя. Позднее, когда один или два самолета бывали свободны, мы использовали их, чтобы доставлять грузы со склада на вторую постоянную базу; она располагалась в 600–700 милях южнее, на большом плоскогорье за ледником Бирдмора. Наши предшественники единодушно сообщали об ураганных ветрах, дующих оттуда, однако мы решили, что экономней и вообще рациональней будет не устраивать промежуточных баз.

В радиосообщениях рассказывалось о головокружительном четырехчасовом перелете нашей эскадрильи над мощными шельфовыми льдами (это было 21 ноября), о гигантских пиках на западе, о бездонной тишине, гулким эхом откликавшейся на шум наших двигателей. Ветра нас не особенно беспокоили; однажды мы попали в непроницаемый туман, однако сориентировались при помощи радиокompаса. Между 83° и 84° широты перед нами вырос обширный подъем: самый большой долинный ледник в мире, ледник Бирдмора; скованное льдом море уступило место хмурому гористому берегу. Наконец мы по-настоящему вступили

¹ Э. А. По, «Улялюм» (1847). Перевод Валерия Брюсова.

в белый, охваченный вековечным сном мир крайнего юга и, едва это осознав, разглядели в отдалении, на востоке, вершину горы Нансена высотой почти 15 000 футов.

Как мы благополучно оборудовали на леднике, в точке с координатами $86^{\circ} 7'$ широты и $174^{\circ} 23'$ восточной долготы, южную базу, как добирались на санях или самолетом в различные близлежащие районы, как успешно, с феноменальной скоростью проводили там буровые и взрывные работы – все это осталось в истории, равно как и нелегкое, но триумфальное восхождение Пейбоди с двумя аспирантами, Гедни и Кэрроллом, на гору Нансена, состоявшееся 13–15 декабря. Мы находились на высоте 8500 футов над уровнем моря, и, когда пробное бурение показывало, что в данной точке нас отделяет от твердой земли не более двенадцати футов снега и льда, шла в ход установка для точечного растапливания льда, а затем – буры и динамит. В результате мы получили минералогические образцы в таких местах, где и не мечталось прежним исследователям. Полученные таким образом докембрийские граниты и песчаники серии «Бикон» подтвердили наше мнение, что данное плато сходно по геологическому строению с обширным континентальным массивом на западе, однако несколько отлично от областей, расположенных восточнее, ближе к Южной Америке. В ту пору мы предполагали, что эти области образуют другой, меньший континент, отделенный от основного замерзшим протоком между морями Росса и Уэдделла, однако впоследствии Бэрд эту гипотезу опроверг.

В ряде случаев бурение показывало, что данный песчаник заслуживает более внимательного исследования. Добыв при помощи динамита и зубила образцы, мы обнаружили интересные следы и фрагменты ископаемых организмов, прежде всего папоротниковых, морских водорослей, трилобитов, криноидов, а также плеченогих и брюхоногих моллюсков. Все эти находки представляют большую ценность для изучения ранней истории антарктического региона. Среди прочего Лейк обнаружил странный бороздчатый треугольник размером в фут по большей стороне, который он сложил из трех сланцевых фрагментов, взятых из взрывной воронки. Работа велась на западе, вблизи хребта Королевы Александры, и Лейк, как биолог, признал отпечаток весьма странным и наводящим на размышления, хотя мой взгляд геолога увидел в этой ряби довольно обычную для осадочных пород картину. Поскольку сланец представляет собой не более чем метаморфическую формацию, содержащую спрессованный осадочный слой, и поскольку давление само по себе причудливо искажает любые формы, бороздчатый треугольник не вызвал у меня никаких вопросов.

6 января 1931 года мы – Лейк, Пейбоди, Дэниэлс, все шестеро студентов, четверо механиков и я – пролетели на двух больших самолетах над самым Южным полюсом. Однажды поднялся ветер, и нам пришлось совершить вынужденную посадку, но ураганной силы он, по счастью, не достиг. Это был, как указывалось в газетах, один из наблюдательных полетов; во время прочих мы пытались изучить топографические особенности тех мест, куда не проникали прежние исследователи. В этом плане первые полеты нас разочаровали, хотя нам посчастливилось наблюдать обманчивое великолепие полярных миражей, о которых мы уже получили некоторое представление на море. В воздухе проплывали отдаленные горы, подобные зачарованным городам; белизна окружающего мира нередко расцветивалась яркими красками фантазий лорда Дансени: золотой, серебряной, алой; магический свет низкого полуночного солнца будил ожидание чуда. В облачные дни пилотировать самолет бывало нелегко: заснеженная земля и небо сливались в сплошную молочно-опаловую пустоту, где невозможно было различить разделяющую их полосу горизонта.

Наконец мы решили вернуться к нашему первоначальному плану, то есть на всех четырех исследовательских самолетах вылететь на восток и на расстоянии 500 миль устроить новую промежуточную базу в точке, принадлежащей (как мы ошибочно предполагали) к соседнему отдельному участку суши. Будет интересно, думали мы, сравнить добытые там геологические образцы с прочими. Здоровье всех участников до сих пор ничуть не пострадало: сок лайма служил удачным дополнением к нашему постоянному рациону – консервированным и соле-

ным продуктам, температура воздуха обычно не опускалась ниже нуля, так что самая теплая меховая одежда не пошла еще в ход. Наступила середина лета, и мы рассчитывали, работая споро и старательно, завершить наши труды к марту, чтобы избежать томительной зимовки в условиях долгой антарктической ночи. С запада несколько раз налетали жестокие штормовые ветра, но благодаря изобретательности Этвуда они не нанесли нам ущерба: он придумал простейшие укрытия для самолетов, ветроломы из тяжелых снежных блоков, а также укрепил лагерные строения при помощи того же снега. Все шло на удивление гладко.

Внешний мир, конечно, был осведомлен о нашей исследовательской программе; не было секретом и странное упорство Лейка, непременно желавшего до переезда на новую базу совершить вылазку на запад, а вернее – на северо-запад. Похоже, он немало размышлял о сланцевом бороздчатом тре-угольнике и строил пугающе дерзкие предположения. Он усмотрел в загадочном образце несоответствие природе и геологии данного периода, и это так раззадорило его любопытство, что он спал и видел, как бы добыть новые материалы на западе, где простиралась формация, к которой, по всей видимости, принадлежали заинтересовавшие его сланцы. Непонятно, почему он убедил себя, будто имеет дело с отпечатком некоего не известного науке крупного организма – не поддающегося классификации, однако весьма сложного, притом что порода, в которой он был обнаружен, относилась к древнему – кембрийскому, а то и докембрийскому – периоду, когда сложных организмов не существовало вообще и вся фауна сводилась к одноклеточным – самое большее, к трилобитам. Возраст фрагментов со странным отпечатком составлял порядка 500 миллионов, а то и весь миллиард лет.

II

Надо полагать, публику немало поразили наши радиосводки об экспедиции Лейка на северо-запад, в области, где еще не бывал – и даже не мыслил побывать – человек, хотя о безумных надеждах Лейка произвести переворот в биологической и геологической науках мы не упоминали. 11–18 января он совершил предварительную вылазку на санях, с участием Пейбоди и еще пятерых человек (утомительную экспедицию омрачило происшествие: преодолевая нагромождение торосов, сани перевернулись, и погибли две собаки), и привез новые образцы архейских сланцев. Обилие ископаемых организмов в невероятно древних слоях заинтересовало уже и меня. Ничего столь уж невероятного я в них, впрочем, не усмотрел: это были весьма примитивные формы жизни; удивляться можно было только тому, что в докембрийских, по всей видимости, слоях вообще обнаружились признаки живых существ. Я все еще не видел смысла в требовании Лейка отступить от нашей, сжатой по времени, программы, тем более что для этого требовались все четыре самолета, много участников и все научное оборудование. И все же, поразмыслив, я не отверг план Лейка, хотя сам не прислушался к его доводам, что ему необходимы советы геолога, и остался на базе. Они улетели, а мы с Пейбоди и еще пятью сотрудниками стали обсуждать подробности запланированного перемещения на восток. Подготовка уже шла: один из самолетов начал перевозить с пролива Мак-Мердо изрядный запас горючего – но с этим можно было подождать. Я оставил на базе сани и девять собак: в абсолютно безлюдном мире векового сна нужно иметь при себе на всякий случай хоть какой-то транспорт.

Как всем известно, участники экспедиции Лейка в неведомое и сами посылали сообщения с помощью коротковолновых передатчиков на самолетах; сигналы принимались одновременно нами на южной базе и «Архемом» в проливе Мак-Мердо, откуда на волне пятьдесят метров сводки передавались во внешний мир. Экспедиция отправилась 22 января, в 4 часа утра, а первое сообщение поступило к нам только через два часа: Лейк сказал, что они приземлились в 300 милях от базы и начали пробное растапливание льда и бурение. Через шесть часов пришла вторая радиограмма, тон ее был очень взволнованный: работа кипела вовсю, был пробит неглубокий шахтный ствол и подорван заряд. Труды увенчались находкой: фрагментами шлака с отпечатками, похожими на прежний, так поразивший Лейка.

Еще через три часа поступила краткая сводка: несмотря на сырость и пронизывающий ветер, самолеты поднялись в воздух. Я ответил, что возражаю против дальнейших рискованных шагов, Лейк отозвался кратко: риск, мол, оправдан, полученные образцы того стоят. Стало понятно: Лейк взвинчен настолько, что не остановится перед открытым неповиновением, и я бессилён предотвратить дерзкую затею, угрожающую погубить всю экспедицию. Притом пугала мысль, что Лейк все больше углубляется в предательскую, мрачную белую необъятность, обитель бурь и непостижимых тайн, простирающуюся на 1500 миль в сторону малоизученного побережья Земли Королевы Мэри и берега Нокса.

Миновало полтора часа, и поступило новое, еще более взволнованное послание с борта самолета Лейка. И тут я едва не пожалел, что не участвую в вылазке.

«10.05. С борта. После бурана разглядел впереди горный хребет, таких высоких мы еще не видели. Если добавить высоту плато, сравнится, пожалуй, с Гималаями. Вероятные координаты – $76^{\circ}15'$ широты и $113^{\circ}10'$ восточной долготы. Ни с той, ни с другой стороны конца не видно. Два конуса вроде бы курятся. Все пики черные, без снега. Порывы ветра с гор мешают навигации».

Пейбоди, я, остальные затаили дыхание перед радиоприемником. При мысли о титаническом горном хребте, вздымающемся в 700 милях от базы, в нас разыграл дух авантюризма; оставалось радоваться, что если не мы сами, то наши сотрудники совершили это открытие. Через полчаса Лейк снова вышел на связь.

«Самолет Моултона совершил аварийную посадку на плато в предгорье, однако никто не пострадал, и машину, возможно, удастся починить. Трех оставшихся самолетов вполне достаточно для перевозки людей и самых ценных грузов обратно на базу или в другое место, но пока в этом нет необходимости. Размеры гор просто невообразимы. Я собираюсь разгрузить самолет Кэрролла и совершить на нем разведывательный полет. Ничего подобного вы себе даже не представляете. Самые мощные пики превышают, должно быть, 35 000 футов. Эверест им не соперник. За Этвудом – измерить теодолитом их высоту, пока мы с Кэрроллом исследуем вершину. Похоже, был не прав относительно конусов: формация по виду слоистая. Возможно, это докембрийские сланцы с инородными прослойками. Необычно выглядит профиль гор: на самых высоких пиках – правильной формы наросты, состоящие из кубов. В рыжих лучах низкого солнца – поразительное зрелище. Словно таинственная страна из сна или врата заповедного царства чудес. Жаль, что вы не с нами».

Наступило время сна, но никто не думал о том, чтобы удалиться на покой. Похожее настроение царило и в проливе Мак-Мердо, где на «Археме» и на складе тоже принимали радиogramмы. Капитан Даглас поздравил всех по радио с важным открытием, и Шерман, радист со склада, к нему присоединился. Мы огорчились, конечно, из-за поломки самолета, но надеялись, что его удастся быстро починить. В 11 вечера поступило новое сообщение от Лейка.

«Летим с Кэрроллом над высокими предгорьями. На настоящие вершины пока, из-за погоды, не замахиваюсь, отложил на потом. На такой высоте полет идет непросто, но оно того стоит. Хребет плотный, ни одного просвета, на ту сторону не заглянешь. Главные вершины превосходят Гималаи, впечатление очень странное. Массив, похоже, сложен из докембрийских сланцев, с явными следами других смещенных пластов. Насчет вулканизма я ошибался. Протяженность в обе стороны необозримая. Выше 21 000 футов вершины голые. На склонах самых высоких гор – непонятные образования. Большие блоки с вертикальными гранями, низкие и протяженные, правильной прямоугольной формы – похоже на картины Рериха, где древние азиатские замки лепятся к крутым склонам. Смотришь с расстояния – дух захватывает. Мы подлетали поближе, и Кэрроллу показалось, что блоки составные, но это, наверное, просто следы выветривания. Углы искрошились, сгладились, словно не один миллион лет подвергались действию непогоды. Камень, особенно в верхних частях, светлее, чем обнажения на склонах, структура его явно кристаллическая. При подлете обнаружили множество пещер, входные отверстия у иных удивительно правильные, прямоугольные или полукруглые. Нужно бы вам посмотреть самим. Вроде бы вижу такое образование прямо на верхушке одного из пиков. Высота там тысяч тридцать – тридцать пять. Сам я на высоте 21 500 футов, холод пронизывающий. По перевалам гуляет ветер, так и свищет в пещерах, но для самолета опасности нет».

Следующие полчаса Лейк непрерывно сыпал новостями и заявил, что намерен пешком взобраться на какой-нибудь пик. Я ответил, что присоединюсь к нему, как только он вышлет самолет, и что мы с Пейбоди, ввиду нового поворота событий, разработаем план, как лучше распорядиться запасами горючего – где и как их разместить. Было очевидно, что Лейку для бурения, а также для воздушной разведки потребуется много ресурсов, которые нужно будет переместить на другую базу у подножия новооткрытых гор. Не исключалось, что полет на восток в этом сезоне придется отменить. В связи со всем этим я вызвал по радиации капитана

Дагласа и попросил его перевезти как можно больше запасов с кораблей на склад на ледовом барьере, где должна была находиться и единственная оставленная собачья упряжка. Что нам сейчас требовалось, это установить прямое сообщение через неизученную область между лагерем Лейка и проливом Мак-Мердо.

Позднее Лейк вызвал меня, чтобы сообщить: он решил устроить лагерь в том месте, где приземлился самолет Моултона, который уже начали ремонтировать. Слой льда там был очень тонок, местами виднелась обнаженная порода, и Лейк собирался исследовать ее с помощью буров и динамита, а уж потом совершить санные и пешие вылазки. Он говорил о том, как невыразимо величественна наблюдаемая им картина, какие необычные чувства овладевают человеком под сенью могучих безмолвных вершин, которые стоят, упираясь в небо, на самом краю земли. Согласно теодолиту Этвуда, пять главных пиков достигали высоты от 30 000 до 34 000 футов. Лейка явно беспокоили следы разрушительной деятельности ветра: они свидетельствовали о том, что в этой местности случаются ураганы, каких мы до сих пор не видели. Его лагерь находился в пяти с небольшим милях от ближайшего крутого подъема. В его голосе, преодолевшем 700 миль холодной пустоты, я уловил нотку подсознательной тревоги; Лейк призывал нас поторопиться, чтобы как можно скорее разобраться с загадками этого доселе неведомого людям региона Антарктики. Сейчас он собирался пойти спать, поскольку день выдался необычайно трудный и насыщенный.

Утром у меня состоялись переговоры по беспроводной связи сразу с двумя разнесенными на большое расстояние базами: Лейка и капитана Дагласа. Было решено, что один из самолетов Лейка доставит к нему Пейбоди, еще пятерых человек и меня, а также столько топлива, сколько сможет взять на борт. Что делать с остальным топливом, зависело от судьбы восточной экспедиции; с решением можно было несколько дней потянуть, так как Лейку пока хватало горючего и для отопления, и для буровых работ. На старой южной базе следовало бы пополнить запасы, но только в случае, если экспедиция на восток не будет отложена до следующего лета, а Лейку тем временем нужно было отправить самолет на прокладку прямого пути от новооткрытых гор до пролива Мак-Мердо.

Мы с Пейбоди приготовились законсервировать нашу базу – только вот на какой период? Если нам предстоит зимовка в Антарктике, то, скорее всего, будет налажено прямое сообщение между базой Лейка и «Аркхемом» и старая база пока не понадобится. Мы уже успели укрепить часть наших конических палаток блоками из спрессованного снега и теперь задумали довести эту работу до конца, построив подобие эскимосской деревни. Запас палаток у нас был маленький, и тех, что взял с собой Лейк, должно было хватить на всю группу даже после нашего прибытия. Я известил его по радио, что нам с Пейбоди потребуется еще один рабочий день и утром, выспавшись, мы будем готовы к перелету на северо-запад.

Однако с четырех дня о нормальной работе пришлось забыть: от Лейка одно за другим посыпались поразительные, взволнованные сообщения. Работа у него с утра не заладилась; когда исследовали с воздуха обнажения на ближайших склонах, не выявилось нужных ему архейских и первобытных пластов, из которых в основном были сформированы колоссальные пики, видневшиеся на искустельно близком расстоянии от лагеря. Большая часть горной породы принадлежала, вероятно, к юрским и команчским песчаникам, а также пермским и триасовым аспидным сланцам, а отдельные глянцево-черные вкрапления состояли, по всей видимости, из антрацита. Лейк, собиравшийся откопать образцы на пятьсот с лишним миллионов лет древнее, был разочарован. Он понял: в предгорьях сланцевый пласт с теми самыми отпечатками не найдешь, нужно отправиться на санях к крутым склонам гигантских пиков.

Тем не менее Лейк решил, следуя общей программе экспедиции, провести на месте буровую разведку. Этим занялось пять человек, остальные продолжили устройство лагеря и починку поврежденного самолета. Для начала была выбрана самая мягкая из видимых пород – песчаник приблизительно в четверти мили от лагеря; бур пошел очень легко, прибегать к

динамиту почти не требовалось. Лишь через три часа был сделан первый крупный взрыв, тут же послышались крики бурильщиков, и юный Гедни – руководитель работ – сломя голову прибежал в лагерь и сообщил ошеломляющую новость.

Исследователи наткнулись на полость. В самом начале песчаник уступил место пласту команчского известняка с множеством мелких окаменелостей: цефалоподов, кораллов, морских ежей, спириферид; иные находки напоминали кремневых губок и кости морских позвоночных – вероятно, это были телеосты, акулы и ганоиды. Это само по себе было радостно: ископаемых беспозвоночных нам прежде не попадалось, однако вскоре бурильная головка, пройдя слой камня, провалилась в пустоту, и тут участники работ возликовали вдвойне. Удачный взрыв разоблачил тайну подземелья, и теперь через отверстие с рваными краями (около пяти футов в поперечнике и глубиной три фута) жадному взгляду исследователей открылась неглубокая полость, которую пятьдесят миллионов лет назад проточили в известняке грунтовые воды былого тропического мира.

Размытый слой был не более семи-восьми футов толщины, но границ его нигде не просматривалось, и внутри циркулировал свежий воздух – значит, там существовала протяженная подземная система. Пол и потолок ее изобиливали сталактитами и сталагмитами, некоторые из которых срослись в колонны, но главными были обширные отложения раковин и костей – местами они даже загораживали проход. В скопище костей, вымытом из неведомых джунглей, с мезозойскими древовидными папоротниками и грибами, кайнозойскими саговниками, веерными пальмами и первобытными покрытосеянными растениями, содержалось столько окаменелых останков (мелового периода, эоцена и других эпох), сколько самому знающему палеонтологу не сосчитать и не расклассифицировать и за год. Моллюски, панцири ракообразных, рыбы, амфибии, пресмыкающиеся, птицы, древние млекопитающие – большие и мелкие, известные и неизвестные. Само собой, Гедни с воплем бросился с лагерь, и само собой – все остальные побросали работу и сломя голову, по трескучему морозу бросились туда, где высокой буровой вышкой были отмечены только что обнаруженные врата в тайны земных недр и былых эпох.

Удовлетворив, для начала поверхностно, свое любопытство, Лейк набросал в тетрадке послание и отправил юного Моултона бегом в лагерь – передать радиограмму. Так я впервые узнал об открытии, о том, что идентифицированы древние раковины, кости ганоидов и плакодерм, остатки лабиринтодонтов и текодонтов, фрагменты черепа большого мозазавра, позвоночный столб и панцирь динозавра, зубы и кости крыла птеродактиля, остатки археоптерикса, акулы, зубы эпохи миоцена, черепа первобытных птиц, черепа, позвоночники и другие кости древних млекопитающих, таких как палеотерий, диноцерат, эогиппус, ореодонт и титанотерий. Недавней фауны – мастодонтов, слонов, верблюдов, оленей или быков – обнаружено не было, и Лейк заключил, что самые поздние отложения относятся к олигоцену и что пещера оставалась законсервированной в ее нынешнем сухом состоянии как минимум тридцать миллионов лет.

С другой стороны, можно было только удивляться тому, что среди окаменелостей преобладали весьма древние формы жизни. Известняковая формация, судя по таким типичным окаменелостям, как губки, относилась, несомненно, к команчскому периоду, находки же из пещеры содержали на удивление большую долю организмов значительно более древних – вплоть до первобытных рыб, моллюсков и кораллов силурийского или ордовикского периодов. Отсюда неизбежно следовало, что в данном регионе Земли существовала уникальная устойчивость форм жизни, охватившая временной промежуток от трехсот до тридцати миллионов лет назад. Продлилось ли существование древних видов за эпоху олигоцена, когда в пещере завалило вход, оставалось гадать. Так или иначе, 500 тысяч лет назад (принимая во внимание возраст пещеры, можно сказать «вчера») произошло страшное плейстоценовое оледенение, и все древние организмы, пережившие в этом месте свой срок, вымерли.

Не дождавшись возвращения Моултона, Лейк отправил в лагерь гонца с новой сводкой. После этого Моултон не отходил от самолетного передатчика, отправляя мне, а также на «Аркхем», для сообщения во внешний мир, многочисленные постскриптумы, доставлявшиеся порученцами Лейка. Те, кто следил за газетами, вспомнят, какое волнение вызвали в мире науки эти репортажи – в конечном счете из-за них и стали готовить ту самую экспедицию Старкуэзера – Мура, на планы которой, как я не устаю повторять, должен быть наложен запрет. Лучше я приведу послания Лейка дословно, как их расшифровал по своим карандашным стенографическим записям наш радист Мактай.

«Исследуя обломки взорванных песчаников и известняков, Фаулер совершил важнейшее открытие. Несколько треугольных бороздчатых отпечатков, таких же как в архейских сланцах, неопровержимо свидетельствуют о том, что исходный организм просуществовал в промежутке от шестисот миллионов лет назад до команчского периода без существенных морфологических изменений, при тех же средних размерах. Команчские отпечатки по сравнению с древними выглядят упрощенными или хуже сохранившимися. Подчеркните для газетчиков важность этого открытия. Для биологии оно значит то же, что теория Эйнштейна – для математики и физики. Оно полностью согласуется с моими прежними данными и заключениями. Как я предполагал и раньше, находки указывают, что известному нам циклу органической жизни, начавшемуся с археозойских одноклеточных, предшествовал другой – а может, и другие. Цикл этот начал разворачиваться не позднее чем миллиард лет назад, когда планета была молода и любые формы жизни, а также нормальные протоплазменные структуры на ней отсутствовали. Встает вопрос: когда, где и как началось это развитие».

«Позднее. Когда я изучал фрагменты скелетов крупных наземных и морских ящеров и примитивных млекопитающих, мне бросились в глаза странные повреждения костной структуры – их невозможно приписать ни одному известному хищному или плотоядному животному того периода. Они встречаются в двух видах: ровные углубления и зазубрины. В одном или двух случаях кости аккуратно разрублены. Подобных образцов немного. Посылаю в лагерь за электрическими фонарями. Будем рубить сталактиты и продвигаться дальше».

«Еще позднее. Нашел странный осколок стеатита, шесть дюймов в поперечнике и полтора толщиной. Существенно отличается от всех местных формаций, какие нам до сих пор попадались. Зеленоватый, но признаки, указывающие на возраст, отсутствуют. Удивительно гладкий, правильной формы. Напоминает пятиконечную звезду с отломанными кончиками, сколы еще и по внутренним углам и в середине. В центре нетронутой поверхности – небольшое гладкое углубление. Любопытно, откуда он взялся и какому подвергся воздействию. Возможно, это потрудились вода. Кэрролл, вооружившись лупой, ищет какие-нибудь еще геологические признаки. Местами точки, образующие правильный рисунок. Собаки все больше беспокоятся: похоже, камень им не по душе. Надо выяснить, нет ли у него специфического запаха. Новый отчет пошлю, когда Миллз вернется с фонарями и мы углубимся под землю».

«10.15 вечера. Важное открытие. В 9.45 Оррендорф и Уоткинс, работая под землей при свете фонарей, обнаружили громадный окаменелый предмет в форме бочонка, совершенно непонятного происхождения – то ли это растение, то ли заросший экземпляр какого-то неизвестного науке лучистого морского животного. Ткани не разложились, вероятно благодаря соленой воде. Прочные, как кожа, но местами сохранившие удивительную упругость. На концах и по бокам следы обрывов. Длина шесть футов, диаметр в середине три с половиной, на концах – по футу. Имеет пять выпуклых секций, похожие на бочарные клепки. По окружности в самом широком месте расположены боковые обрывы, похожие на остатки тоненьких ножек. В

бороздках между секциями – странные наросты. Это гребни или крылья, которые разворачиваются веером. Все с большими повреждениями, но одно целое, размахом почти семь футов. Вся конструкция вызывает в памяти чудовищ из древних мифов, в особенности существ Старой Расы, упоминаемых в «Некрономиконе». Крылья перепончатые, с каркасом из трубок железистой структуры. На концах трубок просматриваются мельчайшие отверстия. Края ссохлись, что находится внутри, что было оторвано – не разберешь. Когда вернемся в лагерь, нужно будет вскрыть. Не могу даже определить, растение это или животное. Многие черты указывают на то, что это невероятно примитивный организм. Распорядился, чтобы все рубили сталактиты и искали еще образцы. Найдены опять кости с рубцами, но они подождут. От собак нет житья. Взялись на этот образец, только подпусти – разорвали бы в клочья».

«11.30 вечера. Внимание – Дайер, Пейбоди, Даглас. Дело высочайшей – я бы сказал, исключительной – важности. «Аркхему» нужно сейчас же сообщить на главную станцию в Кингспорте. Странный бочкообразный организм относится к архейской эре, и это он оставил отпечатки на камнях. Миллз, Будро и Фаулер обнаружили под землей, в сорока футах от дыры, целое скопище – тринадцать штук. Там же необычные округлые стеатиты, мельче первого, формы звездчатой, но обломов не заметно, разве что иной раз на кончиках. Что касается органических образцов, восемь из них как будто в идеальном состоянии, со всеми придатками. Извлекли их на поверхность, собак отвели подальше. Они на этих тварей так и кидаются. Отнеситесь внимательно к описанию, повторите для надежности. Нельзя, чтобы в газеты проникли неточности.

Длина объектов – восемь футов. Тело бочкообразное, из пяти секций, длина – шесть футов, диаметр в средней части – три с половиной, а на концах – один фут. Темно-серый, эластичный, очень твердый. В бороздках вдоль тела обнаружены сложенные крылья, длиной семь футов, перепончатые. Каркас крыльев трубчатый, железистой структуры, цвет – тоже серый, но светлее, на концах – микроотверстия. Если крылья расправить, обнаруживаются зазубренные края. По средней линии «бочонка», на каждой из пяти вертикальных, похожих на клепки, секций имеются разветвленные эластичные отростки или щупальца светло-серого цвета. Напоминают руки примитивных криноидов. Отдельные отростки имеют диаметр три дюйма; на расстоянии шесть дюймов от основания разветвляются на пять добавочных отростков, а те, на расстоянии восемь дюймов, на пять мелких конусообразных щупалец или усиков. Таким образом, каждый отросток венчается двадцатью пятью щупальцами.

Туловище переходит в светло-серую вздутую шею с намеком на жабры, а «голова» представляет собой желтоватое пятиконечное подобие морской звезды, покрытое жесткими ресничками всех цветов радуги. Голова толстая, пухлая, размер от кончика до кончика – около двух футов, на кончиках желтоватые гибкие трубочки длиной три дюйма. Щель в верхней части головы, в самом ее центре, предназначена, вероятно, для дыхания. На конце каждой трубочки имеется сферическое утолщение под желтоватой пленкой; если ее отодвинуть, показывается стекловидный шарик в красной оболочке – вероятно, глаз. Из внутренних углов звездообразной головы тянутся красноватые трубки длиной чуть больше желтоватых. Они кончатся кистообразными утолщениями, в которых при нажатии открываются отверстия колокольной формы, максимального диаметра два дюйма. По их контуру расположены острые белые выступы, похожие на зубы. Вероятно, это рты. Все эти трубки, реснички, окончания звезды, заменяющей голову, найдены плотно сложенными; трубки и окончания лучей лепились к шее и корпусу. Ткани прочные и при этом удивительно гибкие.

В нижнем конце корпуса органы, в целом подобные голове, но с совершенно иными функциями. Вздутая псевдошея, без жабр, а далее – еще одна пятиконечная «морская звезда», зеленоватая. Прочные мускулистые отростки длиной четыре фута, диаметр у основания – семь дюймов, на конце – около двух с половиной. На каждом конце – небольшая опора, представ-

ляющая собой зеленоватый треугольник, перепончатый, на пяти прожилках, длиной восемь дюймов и шириной шесть дюймов с дальнего конца. Именно этот ласт, или плавник, или псевдонога, оставил отпечатки в камне, давность которых от миллиарда и до пятидесяти-шестидесяти миллионов лет. Из внутренних углов звезды торчат красноватые трубки длиной два фута, сходящие на конус, диаметром у основания – три дюйма, в конце – один. На кончиках – миниатюрные отверстия. Ткани всюду чрезвычайно прочные, кожистые, но весьма гибкие. Четырехфутовые отростки с ластами предназначались, несомненно, для передвижения, в воде или по суше – неизвестно. При касании обнаруживается развитая мускулатура. Все эти нижние органы, как и верхние, плотно прижаты к псевдошее и низу туловища.

Не могу положительно утверждать, что находка принадлежит не к растительному, а к животному царству, но скорее всего это так. Вероятно, это поразительно эволюционировавший представитель лучистых, сохранивший притом ряд первоначальных особенностей. Несмотря на некоторые отличия, сходство с иглокожими неоспоримо. Нехарактерен для морских обитателей орган, похожий на крыло, но он, вероятно, использовался в воде как руль. Примечательна симметрия, присущая растительным организмам с их вертикальной структурой, а не животным – со структурой продольной. Поскольку мы имеем дело с невероятно ранней точкой эволюционного процесса, когда, согласно прежним представлениям, не существовало даже самых примитивных одноклеточных, гадать о происхождении находки чрезвычайно затруднительно.

Полностью сохранившиеся образцы обнаруживают столь поразительное сходство с некоторыми мифическими тварями, что поневоле возникают мысли о том, что в незапамятной древности эти существа обитали и вне Антарктики. Дайер с Пейбоди читали «Некрономикон» и знакомы с кошмарными картинками, написанными Кларком Эштоном Смитом по мотивам этой книги; значит, они поймут, если я упомяну Старую Расу, то ли ради шутки, то ли по недоразумению якобы создавшую жизнь на Земле. Ученые всегда полагали, что прообразом этих существ послужил какой-то древний обитатель тропических вод из категории лучистых, над которым основательно поработало большое воображение. Есть сходство и с доисторическими существами из фольклора, о которых писал Уилмарт, – относящимися к культу Ктулху и пр.

Поле для исследований открывается необъятное. Судя по сопутствующим образцам, отложения относятся, вероятно, к позднему мелу или раннему эоцену. Сверху выросли мощные сталагмиты. Скалывать их очень трудно, но, будь они хрупкими, отложения могли бы пострадать. Сохранность находок поразительная – потому, наверное, что вокруг известняк. Новых образчиков пока не нашли, но поищем позднее. Теперь предстоит непростая задача: доставить эти четырнадцать объемистых находок в лагерь, притом что собак к ним не подпустишь – лают как бешеные. Несмотря на сильный ветер, мы все же надеемся вдевтером управиться с тремя санями (троих человек оставляем присматривать за собаками). Нужно установить воздушное сообщение с проливом Мак-Мердо и начать переправку материалов. Но прежде чем лечь спать, я должен вскрыть одну из этих тварей. Вот бы сюда настоящую лабораторию! Пусть теперь Дайер краснеет, вспоминая, как не хотел отпускать меня на запад. Сперва самые высокие на земле горы, а теперь вот это. Ну чем не главное достижение экспедиции? Громкий успех в научном мире нам обеспечен. Bravo, Пейбоди, без вашего бора мы не вскрыли бы пещеру. А теперь, на «Аркхеме», не повторите ли описание?»

Трудно выразить, что почувствовали мы с Пейбоди, получив эти сообщения, и наши спутники радовались едва ли меньше нас. Мактай, слушая гудящий приемник, наскоро расшифровал по ходу дела несколько главных фраз, а по завершении радиogramмы мы очень скоро получили от него ее полное содержание, восстановленное по стенограмме. Все оценили эпихальную важность открытия, и я, дождавшись, пока радист «Аркхема» повторит по просьбе Лейка научные описания, тут же его поздравил. Шерман со склада в проливе Мак-Мердо и капитан Даглас с «Аркхема» последовали моему примеру. Позднее я, как глава экспедиции, добавил несколько замечаний для передачи через «Аркхем» во внешний мир. Разумеется, в

подобной обстановке о сне даже думать не приходилось; я желал лишь одного: как можно скорее попасть в лагерь Лейка. Досадно было услышать от него, что в горах началась буря и ранним утром полет будет невозможен.

Правда, через полтора часа я забыл о досаде, настолько заинтересовали меня новые сообщения Лейка. Он рассказывал о том, что четырнадцать крупных образцов были благополучно доставлены в лагерь. Они оказались удивительно тяжелыми, тащить их было нелегко, но девять человек успешно справились с задачей. На безопасном расстоянии от лагеря начали спешно сооружать снежный загон для собак. Образцы устроили на твердом снегу вблизи лагеря, один из них взял Лейк, чтобы сделать предварительное вскрытие.

Против ожидания, ему пришлось серьезно потрудиться: даже при высокой температуре (в только что устроенной лабораторной палатке работала бензиновая печка) обманчиво гибкие ткани образца, хорошо развитого и полностью сохранившегося, остались твердыми, прочнее обычной кожи. Лейк задумался, как сделать необходимый разрез и не повредить при этом внутреннюю структуру. Правда, в его распоряжении имелось еще семь безупречных образцов, и все же они представляли собой редкость и требовали крайне осторожного обращения, разве что в недрах пещеры обнаружатся в большом числе новые особи. И потому Лейк присоединил этот экземпляр к остальным и притащил в лабораторию другой, частично сохранивший с обоих концов звездообразные органы, но сильно помятый и с разрывом вдоль одной из борозд на корпусе.

Результаты, тут же сообщенные мне по радио, были ошеломляющими. О точности и аккуратности разреза нечего было говорить – инструменты не подходили для работы со столь необычными тканями, – однако от того, что удалось узнать, голова шла кругом. Назревал настоящий переворот в нашей биологической науке, основанной на учении о клетках, ибо она в данном случае оказалась несостоятельной. Сколько-нибудь существенной минерализации органических тканей не обнаружилось, и внутренние органы за сорок миллионов лет ничуть не разрушились. Плотность, неподверженность гниению и едва ли не абсолютная прочность – качества, неотъемлемо присущие данной форме живой материи, и относятся они к некоему палеогеновому циклу эволюции беспозвоночных, познать который мы бессильны. Вначале ткань, с которой имел дело Лейк, была сухой, но потом под воздействием тепла размягчилась, и с неповрежденной стороны обнаружилось скопление органической жидкости с отвратительным, едким запахом. Это была не кровь, но густая темно-зеленая жижа, которая, очевидно, ее заменяла. К тому времени все 37 собак уже находились в недостроенном загоне вблизи лагеря, но даже на расстоянии они учуяли резкий запах и, бегая кругами, зашлись в отчаянном лае.

Предварительное вскрытие не только не помогло классифицировать этот странный организм, но, напротив, породило еще больше загадок. Что касается его внешнего строения, все догадки оказались верными, и, соответственно, можно было не колеблясь отнести это существо к животным, однако внутри обнаружилось столь много растительных признаков, что Лейк очутился в безнадежном тупике. Существо обладало органами пищеварения и кровообращения, а также выделительной системой в виде красноватых трубок в его звездчатом основании. Поверхностный осмотр убеждал в том, что дыхательный аппарат этой твари обрабатывал скорее кислород, чем двуокись углерода; притом некоторые признаки указывали на наличие полостей, где скапливается воздух, а также использование альтернативных методов дыхания: помимо внешней щели, через жабры и поры, причем две последние системы были вполне развиты. Несомненно, тварь была амфибией, к тому же приспособленной к длительной зимовке без воздуха. Имелись, судя по всему, и голосовые органы, связанные с главной дыхательной системой, но в них обнаружился ряд аномалий, которые было непросто объяснить. Едва ли они были приспособлены для членораздельной речи, но вполне могли издавать разнообразные музыкальные звуки вроде свиста, перекрывающие большой диапазон частот. Мышечная система была развита настолько, что ей не находилось аналогов.

Нервная система оказалась такой сложной и высокоразвитой, что Лейк не переставал поражаться. В некоторых отношениях чрезвычайно примитивное, это существо обладало системой нервных узлов и волокон, достигшей едва ли не предельного специфического развития. Мозг, состоящий из пяти долей, удивлял своей сложностью. По ряду признаков можно было предположить, что органы чувств у этой твари устроены особым образом и во многом не сходны с органами чувств всех прочих земных организмов. К этим органам относились, в частности, жесткие реснички на голове. Возможно, у твари было не пять чувств, а больше, – в таком случае ее способ существования не укладывался ни в какие известные нам стереотипы. Лейк полагал, что для обитателей первобытного мира эти твари обладали очень высокой чувствительностью при четком разделении функций между особями, подобно нынешним муравьям и пчелам. Размножались они как споровые растения вроде папоротников; на концах крыльшек имелись спорангии, и развивались особи из заростков или гаметофитов.

Попытка произвести классификацию на данном этапе исследования была бы просто нелепой. Выглядели они как лучистые животные, но, очевидно, в эту группу не укладывались. Отчасти принадлежали к растительному миру, но три четверти признаков роднили их с миром животным. Симметричное строение и некоторые другие особенности ясно указывали на то, что это выходцы из моря, но к каким условиям они адаптировались в дальнейшем, сказать было трудно. Крылья, во всяком случае, недвусмысленно говорили о полетах. Но чтобы существа, оставившие отпечатки в архейских камнях, сумели в пору младенчества нашей планеты проделать такую огромную, сложную эволюцию? Это было настолько непостижимо, что Лейку не раз, по странной причуде памяти, приходили на ум древние мифы о Старой Расе, которая спустилась со звезд и то ли в шутку, то ли по ошибке зародила на Земле жизнь, а также странные рассказы одного коллеги, фольклориста с кафедры английского языка Мискатоникского университета, о космических пришельцах, якобы обитавших на пустынном взгорье.

Разумеется, он подумал о том, что докембрийские отпечатки могли быть оставлены не теми существами, с которыми он имел дело, а их примитивными предками, однако тут же отказался от этой, чересчур упрощающей теории, поскольку более древняя окаменелость обладала продвинутым, сравнительно с поздней, строением. Последняя представлялась результатом скорее упадка, чем эволюции. Псевдонога сократилась в размерах, вся морфология сделалась проще и грубее. Более того, нервы и изученные Лейком органы носили странные следы регресса, упрощения сложных форм. Удивляло обилие атрофированных и рудиментарных органов. В целом едва ли не все загадки остались неразгаданными, и Лейк, в поисках временного названия вновь обратившись к мифологии, шутливо окрестил свои находки Старцами.

Приблизительно в половине третьего ночи, решив, что пора наконец прервать работу и удалиться на покой, он прикрыл рассеченный образец брезентом, вышел из лабораторной палатки и с новым интересом всмотрелся в целые экземпляры. Незаходящее антарктическое солнце успело слегка размягчить ткани, так что у двух-трех особей кончики лучей на голове и трубки начали разворачиваться, но Лейк считал, что при температуре, близкой к нулю, немедленное разложение им не грозит. Тем не менее он сложил вместе целые образцы и накиннул на них запасную палатку, чтобы уберечь от прямых солнечных лучей. Еще он рассчитал, что так от образцов будет меньше пахнуть, а то с собаками была просто беда, пусть даже их держали на значительном расстоянии за стенкой из снега (ее спешно достраивали в высоту прежние работники и еще несколько дополнительных). Похоже было, что с исполинских гор вот-вот обрушатся суровые порывы ветра, поэтому Лейк закрепил углы палатки тяжелыми снежными блоками. Ожил прежний страх внезапных антарктических бурь, и участники экспедиции, под руководством Этвуда, принялись укреплять снегом палатки, новый загон для собак и примитивные укрытия для самолетов. Последние сооружались в свободные минуты из твердых снежных блоков и далеко еще не были доведены до нужной высоты, поэтому Лейк в конце концов направил на их достройку всех работников, освободив их от других заданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.